

ВОПРОС ОБ УЧАСТИИ МСТИСЛАВСКИХ КНЯЗЕЙ В ЗАГОВОРЕ ОЛЕЛЬКОВИЧЕЙ-БЕЛЬСКИХ 1481 г.: В ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ И НУМИЗМАТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ

Е. И. Лукша, О. Д. Сахончик

Тема заговора 1481 г. в Великом Княжестве Литовском (далее ВКЛ) в историографии изучена довольно хорошо. Начиная с XIX в. данным вопросом занимались многие историки. Можно вспомнить российских исследователей М. К. Любавского [13, с. 203], А. Е. Преснякова [15, с. 154–156], украинского – М. С. Грушевского [8, с. 482–484], а также белорусского историка Г. И. Сагановича [16, с. 395–396]. В постсоветское время труды, посвященные событиям 1481 г. носили обобщающий характер, например, исследование М. М. Крома [9, с. 85–90]. В 2010 г. вышла монография Ю. Борейши, которая заставила взглянуть на заговор под новым углом. Исследователь на основании нумизматических материалов, найденных около Мстиславля, выдвинул гипотезу о поддержке заговорщиков местным князем Иваном Лунгвеновичом [3].

Целью данной работы является рассмотрение вопроса об участии Мстиславских князей в заговоре 1481 г. на основании письменных источников и новых нумизматических материалов.

Благодаря нарративным источникам (Софийская II летопись, Львовская летопись) с уверенностью можно говорить только о трёх участниках заговора: Михаиле Олельковиче, Фёдоре Бельском и Иване Гольшанском [11, с. 312–313; 17, с. 348]. Кроме того, некоторые исследователи к заговору приписывают и Ивана Глинского [16, с. 395]. В Метрике ВКЛ имеется документ, датированный 15.08.1482 г., содержащий информацию о передаче земель И. Глинского его родственникам и переезде князя в Москву [1, с. 114–115]. Причины этого события не указаны, что дает возможность бросить тень и на это имя.

Участие в заговоре узкого круга лиц позволяет убрать из списка причин притеснение православной знати и на первое место поставить личные интересы. Можно предположить, что в случае неудачи заговорщики планировали сбежать к Московскому государю. Если такой план и был, то реализовать его смог только Фёдор Иванович Бельский, остальные достоверно известные участники были схвачены и казнены.

Письменные источники того времени не содержат информации об участии Мстиславского князя в заговоре против Казимира 1481 г. Однако Ю. Борейша и Э. Иванаускас связывают найденные около Мстиславля контрамаркированные татарские монеты с деятельностью монетного двора Михаила Олельковича [3; 4; 5]. Версия исследователей основыва-

ется на схожести знака надчеканки (рис. 1) с изображением на малой печати 1433 г. основателя рода Олельковичей Владимира Ольгердовича (~1364–1392г.): стрела с округлым основанием и чертой посередине [3, с. 42]. На основе этого можно предположить, что монеты, найденные на территории Мстиславского княжества, связаны с заговором, однако письменные источники не содержат информации об участии Ивана Лунгвеневича (~1460–1495) по неясным причинам или же монеты не связаны с событиями 1481 г., и их следует интерпретировать по-другому.

Основываясь на локализации находок, с большой долей вероятности можно утверждать только то, что контрамарки наносились на территории Мстиславского княжества. Использование татарских монет, таких редких для Беларуси, может указывать на пограничное положение княжества между различными денежными системами, в основе которых пражский грош и татарские платежные единицы. Широкий диапазон датировки монет (от начала XIV в. и до конца XV в.), служивших в качестве основы для контрамаркирования, а также явное использование разных штемпелей не дают однозначного ответа касательно времени нанесения надчеканок.

Рис. 1. «Мстиславская» надчеканка

Контрамаркирование на территории Великого княжества Литовского появляется при Витовте [6, с. 7]. Причины нанесения контрамарок были разные: от придания монетам статуса законного денежного средства до искусственного завышения курса по отношению к чистому серебру. Также контрамарка могла иметь и политическое значение. По одной из версий, во времена Витовта надчеканы в виде «Колюмн» указывали на подчиненное положение местных правителей по отношению к великому князю [6, с. 17]. Исходя из этого, изменение традиции (появление надчеканок с местными геральдическими символами) может говорить об ослаблении верховной власти при Казимире (1440–1492) и Александре (1492–1506), чем воспользовались князья Мстиславские.

Для проработки этой версии необходимо обратиться к истории Мстиславского княжества. Начиная с 1390-х гг. Великий князь Витовт (1392–1430) проводил реформу государственного устройства, по которой удельные княжества были ликвидированы, а вместо них установлены

наместничества. Но реформа, чтобы не вызвать широкое недовольство знати, вводилась постепенно [10, с. 171]. Начиная с конца XIV в. и до смерти Ивана Юрьевича (между 1483–1495 гг.), Мстиславское княжество находилось под властью одной из ветвей рода Гедиминовичей – а именно Лунгвеновичей. После смерти Ивана Юрьевича власть в княжестве перешла к его вдове и дочерям Ульяне и Анастасии. В 1492 г. старшая дочь Ульяна вышла замуж за Михаила Жеславского, к которому после этого и перешло во владения Мстиславское княжество [12, с. 14].

По своему статусу Мстиславское княжество являлось удельным и только в 1529 г. было преобразовано в наместничество [10, с. 171]. В каждом отдельном случае полнота власти местного князя была различной. Князья Мстиславские, возможно, были более лояльны к центральной власти, чем их восточные соседи, т. к. на XV в. Мстиславль был территорией не пограничной, а, в таком случае, отпасть от Великого княжества довольно затруднительно. Однако и тут хватало непокорности. Стоит вспомнить Мстиславского князя Юрия Лунгвеновича (1431–1442, 1445–1460), который за свою бурную жизнь успел побывать и Новгородским князем, и поучаствовать в Смоленской замятне 1440–1442, и даже несколько раз терять и возвращать себе Мстиславль [7, с. 51]. Точная дата смерти этого князя не известна. По предположению некоторых исследователей она наступила в промежутке между 1460–1461 гг. [7, с. 47, 51].

Как минимум четыре находки можно отнести ко времени правления в Мстиславском княжестве Юрия Лунгвеновича: данг хана Узбека (1313–1341) чеканки 1320-х гг., акче Бек Суфи (1420-е гг. х.), акче Хаджи Гирея (1441–1466), и аспр Хаджи Гирея. Однако все четыре монеты имеют разные штемпели контрамарки. Их объединяет только то, что линии рисунка более тонкие, чем на поздних монетах Менгли Гирея (1466–1515) (рис. 2).

*Рис. 2. Акче Хаджи Гирея (1441–1466)
с контрамаркой [18, с. 49]*

Сын Юрия Лунгвеновича – Иван, как отмечает А. А. Метельский, в отличие от отца не обладал бурным нравом [14, с. 364]. Он не проводил активной политики и верно служил Казимиру, за что получил в наместничество Минск и Витебск. Исследователи называют разные даты смер-

ти этого князя: 1495г., 1486 г., или 1483 г. [2, с. 264; 9, с. 119; 12, с. 14; 14, с. 137]. Надчеканку перечисленных выше татарских монет также можно отнести и ко времени правления Ивана Юрьевича. Но акче Менгли Гирея, датируемые промежутком 1480–1483 гг. и имеющие толстые линии рисунка (рис. 3), следует отнести к более позднему периоду надчеканки, к самому концу XV в. [18, с. 52] или даже началу XVI в. А это уже время правления в Мстиславле зятя Ивана – М. Жеславского, а в Великом княжестве – Александра.

*Рис. 3. Акче Менгли Гирея (1466–1515)
с контрамаркой [18, с. 49]*

Таким образом, на основании изученных письменных источников и нумизматических материалов нет никаких веских оснований относить Мстиславского князя к участникам заговора 1481 г. Что касается надчеканки на татарских монетах, то можно предположить, что она началась ещё при Юрии Лунгвеновиче, монеты контрамаркировали несколько раз и в разное время, а закончили с установлением местничества в Мстиславском княжестве. Точно установить цель контрамаркирования не возможно, так как в письменных источниках информации об этом не содержится. Вследствие чего можно выдвигать разные гипотезы, подтверждение которых будет довольно условным.

Литература

1. Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Кн. 4. (1479–1491) / Parengė L. Anužutė. V.: Žara, 2004.
2. Wolf J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku // W-wa.: Drukiem J. Filipowicza, 1895.
3. Борэйша Ю. Мсціслаўскі манетны двор Амелькавічаў-Бельскіх «Пісараўшчына» вясны 1482 г.: хроніка змовы 1480–1482 гг. па нумізматычных матэрыялах / Мн.: Тэсей, 2010.
4. Борэйша Ю., Іванаускас Э. «Мстиславские монеты»: монеты заговора Михаила Омельковича 1481 г. / Мн.: Тэсей, 2009.
5. Борэйша Ю., Іванаускас Э. Мстиславские монеты» (монеты заговора Михаила Омельковича 1481 г.) // Банковский вестник. №10. 2009. с. 66–70.
6. Борэйша Ю., Казаров А. О надчеканках «Колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидригайлы Ольгердовича / Минск: Тэсей, 2009.
7. Варонін В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі: Гістарычны партрэт / Мінск: Тэхналогія, 2010.

8. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 11 т., Т. 4. / К.: Наук, думка, 1991.
9. *Кром, М. М.* Меж Русью и Литвой Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV - первой трети XVI в. / М.: Квадрига, 2010.
10. *Лойка, П.* Улада і кіраванне ў ВКЛ. Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Беларусі // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2008.
11. *Львовская летопись:* Полное собрание русских летописей: в 43 т. / СПб.; М.; Л., 1841—2008 гг. Т. XX. СПб, 1910.
12. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута / М.: Университетская, 1892.
13. *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.: Московская художественная печать, 1915.
14. *Мяцельскі А. А.* Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / Беларуская навука, 2010.
15. *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. т. 1–2. / М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939: Т. II. Выпуск 1. Западная Русь и Литовско-русское государство.
16. *Сагановіч Г. Н.* Пераход да Масквы ініцыятывы ў «збіранні» ўсходне-славянскіх зямель // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2008.
17. *Софийская вторая летопись:* Полное собрание русских летописей: в 43 т. / СПб.; М.; Л., 1841—2008 гг. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки Русской культуры, 2001.
18. *Шталенков И.* К вопросу о «мстиславских» надчеканах // Банковский вестник. №3. 2012. с. 48–57.

ДЗЕЙНАСЦЬ ОРГАНАЎ ЗЕМСКАГА САМАКІРАВАННЯ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў 1911-1914 ГГ.

А. М. Нагдалян

Увядзенне выбарных земскіх органаў у трох беларускіх губернях, Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай, было зацверджана ўказам ад 14 сакавіка 1911 г. Згодна з ім на беларускія землі распаўсюджвалася «Палажэнне аб губернскіх і павятовых земскіх установах» 1890 г., якое дзейнічала ў цэнтральных расійскіх губернях. Закон уводзіўся таксама ў трох ўкраінскіх губернях (Валынскай, Кіеўскай і Падольскай). Новыя земскія ўстановы замянілі ўпраўленні па справах земскай гаспадаркі, што функцыянавалі ў шасці заходніх губернях з 1903 г. і ўключалі ў сябе асноўныя функцыі земства, падобны механізм дзеяння, аднак былі пазбаўлены выбарнасці і пастаўлены пад большы кантроль адміністрацыі. Адсюль вынікае, што ў дадзеным выпадку назіралася пэўная пераемнасць, а не стварэнне земскіх устаноў з нуля.

Асаблівасцю ўказа 1911 г. стала замена саслоўных курый (сялянскай і памешчыцкай) на курый нацыянальныя – «рускую» і «польскую». У «рускую» ўключалася праваслаўнае беларускае насельніцтва (па